

— Хорошо! — ответил слуга, посмеиваясь.

После это хозяин подошел к дочери и мальчикам. Вся площадка была обнесена стеной, за спиной каждого мальчика стоял слуга, у каждого из слуг под одеждой был спрятан молоток. Площадка была чуть пониже порога, и, чтобы пройти на нее, нужно было спуститься на ступеньку. Посередине площадки был вбит большой и высокий красный кол, на котором висела свежая туша, с которой капля по капле стекала кровь. Хозяин крикнул: — Пускай собак!

И только он это сказал, раздались вой, лай, топанье лап. Дверь на площадку открылась, и в нее ворвалась свора собак, пролезавших через узкий проход; каждая старалась первой добраться до мяса. Сперва ни одна из них не могла пролезть, и собаки вскакивали одна на другую, глаза у них горели, а пасти были широко разинуты. И вот одна собака, потом две, а потом три высвободились и в два прыжка оказались около мяса. Каждая отхватила по кусочку. Это, разумеется, были самые сильные собаки, остальные пробивались следом; шесть или семь из них были насмерть затоптаны у входа. Те, что не успели первыми, тоже хотели ухватить свой кусок и перепрыгивали через красных собак, перепачканных собственной кровью. Мяса тем временем становилось все меньше и меньше, и, чтобы его достать, приходилось подпрыгивать все выше. Несчастные, обезумевшие от голода собаки падали от усталости, но так и не могли даже лизнуть мясо. Когда пять или шесть кучей повалились замертво под колом, остальным стало легче достать до мяса. После нескольких прыжков остаток туши упал на землю, а сверху осталась только железный крючок.

Тут началось новое зрелище: те собаки, которым ничего еще не досталось, стали обнюхивать тела погибших. И вдруг одна собака вцепилась зубами в труп и, испачкав нос в крови, принялась есть. Остальные последовали ее примеру: послышался хруст костей, и вся площадка сразу же стала красной.

Хозяин взглянул на мальчиков: Матилин готов был потерять сознание. Эрве тоже был бледный, но взгляд его не помутнел и сердце не дрогнуло. Он думал о том, что сказала ему дубинка накануне ночью, и ждал, пока придет время нанести удар.